

14. *A Companion to Aesthetics*. Edited by Stephen Davies, Kathleen Marie Higgins, Robert Hopkins, Robert Stecker, and David E. Cooper. Blackwell Publishing, 2009.

15. *Valentine S.* Art as prayer in the Soviet Union: A comparative approach. *Poetics*. 2008. Vol. 36. P. 462–475.

16. *Valentine S.* Music, Silence, and Spirituality in the Poetry of Gennady Aigi. *The Slavic and East European Journal*. 2007. Vol. 51, № 4. P. 675–692.

Рукопись поступила в редакцию 29 августа 2017 г.

УДК 2-58 + 94(48) + 374.7 + 929 Грундтвиг

О. В. Куропаткина (Зеленова)

«НАРОДНЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ» И УЧЕНИЕ НИКОЛАЯ ГРУНДТВИГА О ПРЕОБРАЖЕНИИ МИРА*

Статья посвящена идеям преобразования мира и обожения просветителя Дании XIX в. Николая Грундтвига, взятым им из православной и немецкой мистики, а также из пиетизма, и их связи с созданием «народных университетов» — разновидностей лекториев и вечерних школ. Исследование проведено в рамках сравнительного метода. Изложены идеи Грундтвига об обожении и Софии Премудрости Божьей. Рассматриваются начальные этапы восхождения личности к Богу по Грундтвику. Анализируется, каким образом Грундтвиг воплощал эти стадии в своей богословской мысли и политической деятельности. Исследуются концепция и история «народных университетов», яркого воплощения идей Грундтвига и их распространения в скандинавских странах. Сделан вывод о том, что идеи Грундтвига нашли социальное воплощение в грундтвигианском движении и новых образовательных формах.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Николай Грундтвиг, грундтвигианство, «народные университеты», Дания, скандинавские страны, преобразование, обожение, София Премудрость Божья, православная мистика, немецкая мистика, пиетизм.

Лютеранский епископ Николай Грундтвиг (1783–1872), датский поэт, ученый и богослов, создал не только богословские концепции, но и целое общественное движение, воплощающее его идеи. Одним из самых важных проектов грундтвигианства были «народные университеты» — школы-лектории для взрослых, а также народные школы — организованные на тех же принципах общеобразовательные заведения для детей. Интересно разобраться, каковы корни этого практического начинания.

Следует отметить, что Грундтвиг, читавший восточных Отцов Церкви и особенно Максима Исповедника, оставался в русле западной традиции, и на него, помимо светских идей Просвещения, большое влияние оказал пиетизм.

Пиетизм — течение, возникшее внутри немецкого лютеранства в XVII в., которое было сосредоточено на углублении молитвенной жизни христиан и на их личном благочестии. В центре внимания пиетизма — идея покаяния и «нового

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 17-18-01194.

рождения» (или «рождения свыше»): человек не просто сожалеет о конкретном поступке, с ним происходит коренной переворот, он полностью меняет жизнь в результате действия благодати. Организационно пиетизм представлял собой конгломерат малых домашних групп (конвектикулов), где люди вместе читали Библию и делились опытом своего покаяния.

Практически с самого начала пиетизм стал не только религиозным, но и общественным движением, возрождающим импульс ранней Реформации: подлинное покаяние проявляется в том числе и в отречении от своего эгоизма и активном, деятельном, практическом служении людям. Из Германии пиетизм в XVIII–XIX вв. попал в скандинавские страны, конкретно в Данию первая пиетистская миссия появилась в 1703 г. [13].

Грундтвиг оспаривал и лютеранскую ортодоксию, и либеральный протестантизм (за полемику с протестантами-либералами он был на несколько лет запрещен в служении, до 1838 г. его произведения подвергались цензуре), и движение Высокой Церкви в Англии, считая, что все они сосредоточены на форме, а не на содержании, либо абсолютизируя ее, либо полностью ею пренебрегая. Светское Просвещение не устраивало его своим рационализаторством, а строгий пиетизм — отказом от разума. Все это, по мнению Грундтвига, не решало основной жизненной задачи человека — жизни с Богом.

Эту жизнь Грундтвиг видел, следуя Максиму Исповеднику, как непрерывное восхождение. Смысл каждого творения — раскрыть свою полноту, взойти к своей вершине, и это бесконечный путь богоподобия [9, 147]. Этот путь не путь одиночек, а всегда взаимоотношения; Бог-Троица — это отношения любви и, как их отражение, отношения во всем мироздании [Там же, 161]. Троиединство Божества есть и в структуре человека — чувство, интеллект и воля; у совершенного человека любовь — в сердце, правда — на устах, воля — в руках [Там же, 133]. Выражение этой связи — София, Премудрость Божья [1]. Этот образ, возникший в иудеохристианской традиции, взят Грундтвигом из немецкого мистицизма. Для Грундтвига, в отличие от основоположника западной софиологии Якоба Бёме, гораздо менее существенна «вечная женственность» Софии и связанная с ней проблема пола: для датского просветителя София прежде всего великая сила, личностное отражение Божества, которая обустроивает мир, объединяет духовное и материальное, чувства и разум — «собирает» мир, помогает достичь органичного единства людей (без насилия и смешения). Идея Грундтвига о таком единстве очень напоминает идею соборности, которую развивал в России его современник Алексей Хомяков (непосредственных личных связей между русским философом и датским мыслителем не было).

Как достичь этого идеала на практике? Падший человек разрывает связи, а измениться может только через преображение своего сердца (Грундтвиг не употребляет термин «рождение свыше», но в данном случае следует скорее пиетистской трактовке процессов внутренней жизни). Чтения Писания и индивидуального благочестия для этого явно недостаточно — нужно «живое слово», которое требует правды и свободы [12], то есть слово, не написанное на бумаге, а слово, в которое верят и которое реально воплощают прежде всего в общем

деле. Такое дело, по Грундтвигу, сподвигают и разум, и сердце, и отдельных людей объединиться в едином действии. «Живое слово», по мнению Грундтвига, это таинства (Евхаристия — вершина любви Бога-Отца) и апостольский символ веры как коллективная практика [9, 147; 3, 287]. В этом положении Грундтвиг расходился с пиетизмом, воспринимавшим таинства исключительно как личную благочестивую практику, при этом явно второстепенную по сравнению с чтением Библии и личным благочестием в быту.

Грундтвиг настаивал на том, что участие в таинствах — это вершина духовной пирамиды; у такого участия должно быть мощное основание, которое строится в реальной бытовой жизни людей. Без двух вполне земных «ступенек», блоков, таинства будут не вершиной, а формальностью.

Первый блок-основа — связь с природным миром. Человек не просто отвечает за природу, он ее гармоничная часть, и именно у природы человек должен учиться «простой, активной и радостной жизни» [12]. Преображение мира тоже должно начинаться с природы. Так, Грундтвиг мотивировал своих последователей сажать фруктовые деревья и оберегать вересковые пустоши от сельскохозяйственного использования.

Второй блок-основа — связь с тем народом, в котором человек живет. «Сначала — человек, а потом христианин», — говорил Грундтвиг. Отправной пункт единения — народные предания, изучение народной истории; они должны оживить для людей Слово Божие, поскольку народная культура — «зеркало» того, как народ понял Божье откровение [1, 388]. Это отражает детский опыт самого Грундтвига, пришедшего к Библии после чтения книг о древней истории [9, 28]. Органичную связь народных сказаний и библейской весты Грундтвиг старался показать и в своем творчестве: в одной из своих поэм датский просветитель соединил начало книги Бытия и начало древнеанглийского эпоса «Беовульф» [Там же, 53].

Связь необходима не только со своим народом, но и с теми народами, кто с ним в родстве. Грундтвиг был убежденный сторонник скандинавизма — движения за культурное и политическое объединение скандинавских стран. Еще в 1810 г. он опубликовал памфлет «Желаемо ли объединение Севера? Обращение к народу Швеции», где призывал шведов вступить в унию, подобную Кальмарской. В отличие от многих своих единомышленников, ссылавшихся прежде всего на прагматичные выгоды объединения, датский просветитель ссылается на веру и язык — «две золотые цепи, которые соединяют людей со всем, что может быть свято и дорого» [2, 31]. Поддерживал он связи и с Норвегией: хотя посетил ее только один раз; активно поддерживал связи с основателями богословского факультета в университете Христиании [9] и перевел на датский норвежские эпические сказания [12].

Следующими по близости для Грундтвига шли народы, происходившие от германцев, — народы Северной Европы (исландцы), как самые близкие к скандинавам, и англичане. Для датского просветителя было важно создать общее культурное пространство: так, он впервые в Европе перевел эпос «Беовульф» на современный европейский язык, изучал древнеисландскую литературу, читал лекции по германской и скандинавской мифологии.

Наконец, важным для Грундтвига было и общечеловеческое братство. Интересно, что видел он его не как единство народов, а как единство разных церквей. Грундтвиг, согласно началу книги Откровения Иоанна Богослова, считал, что христианский мир состоит из семи церквей, которые к XIX в. имеют и конфессиональные, и национальные черты: еврейская (иудеохристианская), греческая, латинская (римско-католическая), английская, немецкая, североевропейская; вскоре появится и седьмая, которая будет еще одним столпом мира [9, 84]. Любопытно, что Грундтвиг рассматривал немецкие и скандинавские церкви, относящиеся к лютеранству, как разные церковные общности.

Для датского просветителя было принципиально важным сохранить и вне-национальное, и национально-культурное измерения христианства. Так, в своих проповедях на Пятидесятницу Грундтвиг вспоминал и излияние Святого Духа на все народы и языки, и имя «апостола Севера» святого Ансгария [9, 278].

Грундтвиг полагал, что эти идеи обязательно должны стать массовыми, стать известными всему народу, соответственно совершенно необходимы образование и просвещение, поскольку именно невежество разрывает мистическую связь людей и мироздания. Просвещение должно коснуться прежде всего крестьянства, которое Грундтвиг считал подлинным носителем «древнегерманских» добродетелей [5, 178].

Однако не всякое просвещение, по мнению Грундтвига, благо. Он различал просвещение истинное и ложное. Ложное просвещение — это наследие светского Просвещения, оно индивидуалистично и сосредоточено на интересах отдельного человека. Истинное просвещение же выстраивает органичную связь между личностью и народом [1, 388].

Просвещение лучше усваивается, по мнению Грундтвига, через поэзию, и он обычно читал свои проповеди в виде стихов и вообще считал функции поэзии схожими с действием Софии. Себя же датский просветитель считал поэтом, который, как царь Давид и древнеанглийский монах VII в. Кэдмон, является одновременно и глубоко народным, национальным, и религиозным [9, 52–53, 60].

А какую роль в этом должна играть Церковь, кроме мистической (наличие таинств)? Грундтвиг считал, что именно «живая церковь истинных верующих», связанных и между собой, и с Богом, это «закваска» любого народа. Церковь помогает человеку идти к Богу — от начальных ступеней «духовной лестницы» (народное единство) до высших (мистическое слияние с Богом через таинства и молитвенную жизнь).

Во многом Грундтвиг был церковным диссидентом, поддерживавшим пиетистскую критику государственных церквей и отдававшим предпочтение, как и пиетисты, маленьким общинам. Во-первых, он полагал, что Церковь существует вне конфессиональных перегородок и что диалог между ветвями западного христианства — это тоже восстановление общего, задуманного Богом единства. Так, сам Грундтвиг хорошо знал и древнюю западную монашескую традицию, и византийскую гимнографию, не говоря уже о знании древних Отцов Церкви. Во-вторых, он отмечал, что государство не должно вмешиваться в жизнь церкви, народ должен сам избирать священников [Там же, 132, 60]. Церковь как государственный

институт он считал формальной структурой для живых общин, сравнивая первую с деревом, а вторых — с птицами, которые сидят на его ветвях [9, 68].

Спрос на просветительские идеи Грундтвига возник еще в середине 1830-х гг., когда по приказу короля стало организовываться народное самоуправление на местах и многим крестьянам стало необходимо быстро получить качественное образование. Уже в 1836 г. Грундтвиг предложил создать школу нового типа [Там же, 62].

Реализация пришла чуть позже, в 1844 г. Грундтвиг создал так называемые «народные университеты» — что-то вроде неформальных вечерних школ и школекториев для не получивших систематического образования взрослых старше 17 лет, где популярно излагались последние данные разных наук. Интересно, что для детей 12–18 лет Грундтвиг считал хорошей школой домашнее воспитание и помощь по хозяйству родителей: сначала нужно выстроить органичную связь с семьей, природой, материальным миром, а потом уже получать знания. Вообще именно детско-взрослая общность, по мнению Грундтвига, формирует чувство единой нации, и эта идея вошла позднее, в частности, в шведские народные школы — среднеобразовательные учебные заведения [7, 80].

Главный лозунг Грундтвига — «Школа для жизни!». Вся концепция Грундтвига строилась на стремлении понять, какие знания и умения реально нужны учащимся — взрослым и занятым людям (нужность, применимость знаний была требованием Грундтвига и к детскому образованию). А традиционные школы, где преподавались оторванные от жизни знания, Грундтвиг называл «школами для смерти» [4, 498]. Это не означало исключительно прагматическую направленность школ Грундтвига (так, там изучались литература и история), — речь шла о том, что эти знания должны быть восприняты людьми и служить общему единству. Вообще истории придавалось особое значение, — Грундтвиг сам написал трехтомный учебник по всемирной истории.

Единство не означало одинаковости; Грундтвиг полагал неизбежным деление обычного образования, вне «народных университетов», на академическое (для привилегированных слоев общества) и профессиональное (для всех остальных). Главное, чтобы и там и там был общий мировоззренческий фундамент, такой же, как в народных университетах [6, 236–237].

Коллективное творчество было не просто декларацией, а реальностью, — сами «народные университеты», разнообразные по форме и содержанию конкретных программ, было свободным экспериментом учеников Грундтвига, ни один из них не был его слепым подражателем.

Грундтвигианские школы были своеобразными общинами (идея, которая возникла у Грундтвига после посещения Оксфордского и Кембриджского университетов [9, 51]), где досуг (песни, танцы) и совместная работа были таким же общим делом преподавателей и учащихся, как и собственно образование [Там же, 165, 167]. Немаловажным элементом программы там была и физическая гимнастика — воплощение идеи Грундтвига о гармонии души и тела [12].

«Народные университеты» были открыты сначала только для мужчин, с 1861 г. — отдельно для женщин, с 1885 г. — для представителей обоих полов [11].

Получили распространение «народные университеты» и в других скандинавских странах, как и их разновидность — «народная школа» для детей. Отношения грундтвигианцев с пиетистами, влиятельными деятелями Просвещения на Скандинавском полуострове, были сложными. Строгие пиетисты, называемые «набожными», относились с подозрением к последователям Грундтвига, которых называли «счастливыми» за их приверженность к коллективности и акценту на «радостном бытии» [10, 128]. До 1825 г. Грундтвиг поддерживал отношения с хаугеанством — мощным и влиятельным пиетистским движением в Норвегии; после 1850 г. хаугеанцы, недовольные его взглядами на церковь, стали бороться с норвежскими грундтвигианцами. При этом «народные университеты», основанные в Норвегии в 1864 г., были приняты норвежской церковью и были по своему духу более «пиетистскими», чем в Дании [8]. Любопытно, что в Норвегии после 1875 г., когда государство приняло решение прекратить финансовую поддержку грундтвигианских школ у себя в стране, были открыты пиетистские школы, во многом полемизировавшие с Грундтвигом и его идеями, но по факту развивавшие педагогику в его русле [Там же]. С 1868 г. «народные университеты» появились и в Швеции.

Важным социальным последствием создания «народных университетов» для Дании, в меньшей степени — для других скандинавских стран, были многочисленные деревенские клубы для молодежи, независимые от государства школы, а также деревенское кооперативное движение (школы Грундтвига были наиболее широко распространены в деревнях [14]).

Таким образом, идеи Грундтвига о преображении творения, о Софии как отражении любви Троицыного Бога, которая всех объединяет и выстраивает отношения в мироздании, взятые из восточнохристианской и немецкой мистики, нашли свое реальное социальное воплощение в грундтвигианском движении и в образовательном заведении нового типа.

-
1. Грундтвиг Николай Фредерик Северин // Православная энциклопедия. Т. 13. М., 2006.
 2. Егоров Е. В., Цвериганавили И. А. Н. Ф. С. Грундтвиг и его памфлет «Желаемо ли объединение Севера? Обращение к народу Швеции»: к вопросу об объединении североевропейских стран // JUVENIS SCIENTIA. 2015. № 1.
 3. История Дании : учеб. пособие / под ред. С. Буска и Х. Поульсена. М., 2007.
 4. Малишевски Т. Между историей и будущим образования для взрослых: Николай Грундтвиг и его концепция непрерывного образования // Образование через всю жизнь: непрерывное образование в интересах устойчивого развития. Т. 8. 2010.
 5. Мацевич А. А. Становление национальной самоидентификации в культуре и литературе скандинавских стран // Studia Litterarum. 2016. № 1–2.
 6. Николай Фредерик Северин Грундтвиг // Рос. пед. энцикл. : в 2 т. Т. 1 / гл. ред. В. В. Давыдов. М., 1993.
 7. Слепова К. Шведские народные школы, или Пример образования в сине-желтых тонах // На путях к новой школе. 2016. № 2. С. 79–80.
 8. Aarnes S. Grundtvig og Norge [Electronic resource]. URL: <https://tidsskrift.dk/grs/article/view/16114?acceptCookies=1> (accessed: 08.10.2017).
 9. Allchin A. M. N.F.S. Grundtvig. An introduction to his life and work. Oxford, 1997.

10. Carlson W., Gehrz C., Collins Winn Ch., etc. The Pietist Impulse in Christianity. Philadelphia, 2012.
11. Højskolebevægelsen [Electronic resource]. URL: <http://www.grundtvig.dk/hvem-er-grundtvig/grundtvig-og-kulturen/hojskolebevaegelsen.html> (accessed: 09.10.2017).
12. Ibsen J. Grundtvig [Electronic resource]. URL: <http://www.joyibsen.com/grundtvig.html> (accessed: 09.10.2017).
13. Petersen W. Warm winds from the South: the spread of Pietism to Scandinavian Lutherans [Electronic resource]. URL: <http://www.blts.edu/wp-content/uploads/2011/06/WWP-Pietism.pdf> (accessed: 08.10.2017).
14. Sanders H., etc. Grundtvig – nyckeln till det danska? Göteborg, 2003.

Рукопись поступила в редакцию 10 октября 2017 г.

УДК 316.356.4:14.021.2 + 316.343.725 + 94(470)

В. И. Красиков

«КАК ЯНУС ИЛИ КАК ДВУГЛАВЫЙ ОРЕЛ»: ОСОБЕННОСТИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ХАРАКТЕРА И ДВЕ ТРАДИЦИИ ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Объектом рассмотрения в данной статье являются две традиции философствования в России — партикуляристская и космополитическая — как репрезентанты разных сторон отечественной культуры и менталитета. Соответственно предмет исследования — взаимодействие и взаимодополняемость их концептуализаций национального характера в последующей российской истории мысли. Методологической основой исследования являются установки витальной культурологии (Н. Данилевский, О. Шпенглер, А. Кребер и М. Херсковиц). Автор последовательно рассматривает три модели национального характера — «неполноценной рациональности», «религиозного мессианизма» и «виталистскую». Главные результаты проведенного исследования: анализ особенностей проявления рациональности у россиян, применение модели «трехшаговой причинности» по отношению к объяснению национального характера.

К л ю ч е в ы е с л о в а: национальный характер, особенности рациональности, витализм, религиозный мессианизм, партикуляризм, космополитизм, славянофильство и западничество, трехшаговая причинность, интеллигенция, историческое априори.

Мир и Россия уже подходят к рубежу третьего десятка XXI в., а нам все так же недосуг разобраться со своей идентичностью, вопросом, впервые поставленным остро и нелицеприятно более века назад. Тогда же, по сути, и возникли две культурные традиции интерпретации этой самой идентичности, которые в совокупности образовали отечественную философию. Она по-своему, в концептуальной и мировоззренческой форме, выразила особенности отечественного *способа переживания и обсуждения* вечных общечеловеческих проблем, основные черты нашего склада ума и характера. Рассмотрим более пристально работу по концептуализации нашими предшественниками черт национального характера. Обсуждая его, мы будем рассматривать в первую очередь характерные,